

Патрушев Сергей

Скажи мне правду

Сергей Патрушев

Скажи мне правду

<https://litres.ru/74479038>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, когда жизнь превращается в бег на месте? Игорь — банковский служащий, раздавленный долгами и экзистенциальной пустотой. Его встреча с загадочной Аей у края бездны запускает цепь трансформаций: от зеркала собственных страхов до вершины абсолютной ответственности.

Это история о том, как принять свою Тень, поблагодарить свои раны и осознать, что Смерть — лучший советчик. Пройдя через иллюзорность времени и боль любви, герой понимает: свобода — это не право делать то, что хочешь, а мужество быть Автором своей книги. Главная битва происходит не с миром, а за право услышать собственную Душу.

Содержание

Глава 1. Точка разрыва	4
Глава 2. Иллюзия времени	29
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Патрушев

Скажи мне правду

Глава 1. Точка разрыва

Пластиковый цилиндр последней банки из-под энергетика упал на пол с глухим, безжизненным стуком. Он покатился по вытертому ламинату, ударился о ножку стола и замер, задрав к потолку свое алюминиевое дно, похожее на слепой глаз. В этом звуке было больше смысла, чем во всем проживотом Игорем дне.

Три часа ночи. За окном панельной многоэтажки на окраине города висела густая, маслянистая темень поздней осени. Ни звезд, ни луны — только низкое небо цвета мокрого асфальта, которое давило на стеклопакет так, что казалось, еще немного, и треснет не только стекло, но и сама бетонная коробка квартиры.

Игорь сидел прямо на полу, привалившись спиной к холодной стене под подоконником. Колени подтянуты к груди, плечи сведены в хроническом спазме. Перед ним, выстроенные неровным каре, стояли остальные павшие солдаты этой смены: пять пустых банок «Адреналина Раш» с кислотно-красными боками. На экране старого ноутбука застыла таблица Excel. Желтые ячейки дебета наседали на зеленые

ячейки кредита, как саранча на посеvy. Разрыв был крошечным, унижительно смешным — две тысячи четыреста рублей. Но этот разрыв существовал каждый месяц последние три года. Математическая константа его личного ада.

Рядом валялись вскрытые конверты. Не белые, казенные, от налоговой или ГИБДД, а глянцевые, плотные, пахнущие фальшивым успехом. Кредитные карты. Еще одна для «непредвиденных расходов». Предложение рефинансирования, где мелкий шрифт внизу страницы обещал золотые горы в обмен на следующие десять лет добровольного рабства. Игорь взял один листок, смял его в тугой белый шарик и бросил в стену. Шарик отскочил и закатился под диван. Там уже скопилось целое кладбище таких же мертвых надежд.

Он закрыл глаза. Гудение системного блока сливалось с монотонным гулом крови в ушах. Сорок два часа в неделю он продавал свой мозг банку, перекладывая цифры из одних таблиц в другие, чтобы в конце месяца отдать большую часть полученного обратно системе в виде аренды, налогов, процентов и платы за еду, которая перестала иметь вкус год назад. Оставшееся время делилось между сном, который не приносил отдыха, и дорогой до работы и обратно в переполненном метро, где чужие локти методично вбивали тебя в рамки твоей социальной роли.

Это была идеальная ловушка среднего класса. Золотая клетка, прутья которой сделаны из необходимости платить по счетам. Он купил себе иллюзию свободы — право сни-

мать эту квартиру вместо комнаты в коммуналке, право покупать кофе навынос, право раз в полгода слетать в душную Турцию, чтобы лежать на забитом пляже рядом с такими же уставшими людьми. Но цена этой иллюзии съедала саму жизнь. Дни спрессовывались в серый картон. Утро понедельника ничем не отличалось от вечера пятницы, кроме степени усталости.

Внутри нарастало то самое чувство, которое он годами пытался залить алкоголем, сериалами и бесконечным скроллингом ленты новостей. Чувство фантомной конечности. Будто настоящая, живая часть его самого осталась где-то далеко позади, на перроне юности, а дальше поехал лишь пустой костюм, набитый долгами и обязательствами. Жизнь превратилась в бег на месте. Дорогуший кардиотренажер, на котором ты бежишь изо всех сил, обливаясь потом, смотришь на табло с бешеными цифрами сожженных калорий, поднимаешь глаза, а за виртуальным окном все тот же пыльный угол фитнес-клуба.

Зачем?

Слово родилось не в голове. Оно возникло где-то в солнечном сплетении, холодное и тяжелое, как свинцовое грузило. Поднялось по горлу, перехватывая дыхание.

Зачем всё это?

Он произнес это вслух. Голос прозвучал хрипло, надломленно, абсолютно чужеродно в стерильной тишине съемной квартиры. Звук умер, не долетев до противоположной стены.

— Зачем? — повторил он громче, вкладывая в это слово всю накопившуюся желчь. — Ради чего? Чтобы закрыть ипотеку к пятидесяти годам и обнаружить, что почки отказывают от дешевого растворимого кофе, а единственная женщина, которую я любил, вышла замуж за парня, умеющего просто радоваться утру? Чтобы купить новую машину, которая через три года станет грудой невыгодного металла? Чтобы... зачем?

Он обращался в пустоту. К серому пластику выключателя. К мертвому экрану монитора. К банке на полу. Пустота молчала, но впервые за долгие годы она показалась ему плотной. Почти осязаемой. Слово «зачем», сорвавшись с языка, нарушило невидимый договор. Договор о том, что нужно просто терпеть, молчать и крутить педали, пока не отключится сердце.

Тишина ответила вибрацией. Сначала едва уловимой, похожей на сквозняк от окна. По голым ногам Игоря прошел холод, хотя батареи жарили на полную мощность. Затем вибрация усилилась, перешла в низкий, грудной гул, от которого завибрировали кости черепа. Ламинат под босыми ступнями стал теплым, почти горячим.

Воздух в комнате изменился. Из затхлого, прокуренного, наполненного запахом перегара и несвежего белья, он вдруг стал чистым, озоновым, влажным. Таким бывает воздух сразу после сильнейшей грозы, когда молнии выжгли всю городскую пыль.

Свет погас. Монитор ушел в режим ожидания, мигнув напоследок синим прямоугольником. Смартфон на столе потух. Погасли даже красные точки индикаторов на сетевом фильтре. Абсолютная, первобытная тьма окутала комнату, но длилась она долю секунды.

Из центра потолка брызнул свет. Он не зажегся плавно, как лампочка. Он именно брызнул, словно кто-то проткнул черное полотно неба гигантской иглой, выпустив наружу концентрированную белизну. Это не была люминесцентная желтизна квартирных светильников или мертвенный неон улиц. Это был свет живого солнца, жесткий, объемный, заставляющий каждую пылинку в воздухе вспыхнуть и стать видимой.

Игорь инстинктивно зажмурился, прикрыв лицо рукой. Свет не резал глаза физической болью, он резал их правдой. Он высвечивал убогость обстановки с беспощадностью рентгена: пятна от пролитого чая на ковре, царапины на дверце шкафа, трещины на эмали раковины, которые он давно перестал замечать.

Когда зрение адаптировалось, Игорь понял, что сидит уже не на ламинате. Под коленями скрипел сухой, раскаленный песок.

Звук гула исчез. Вместо него обрушилась другая звуковая волна — тяжелый, ритмичный вздох океана. Волна набегала на берег, шипя тысячами пузырьков, и медленно отступала, волоча за собой гальку. Слышался крик какой-то ноч-

ной птицы — долгий, тоскливый, режущий слух своей дикостью. Пахло солью, йодом, гниющими водорослями и свободой. Настоящей, сырой, некрасивой свободой дикой природы.

Игорь открыл глаза.

Он стоял на краю пропасти. Буквально.

Ноги по щиколотку утопали в крупном темно-сером песке. Впереди, метрах в пяти, земля обрывалась. Черная бездна уходила вертикально вниз, теряясь в клубящемся белом тумане. Ни дна, ни скал — только густая, шевелящаяся пленка облаков, подсвеченная снизу странным багровым светом, будто там, глубоко внизу, ворочался гигантский пожар. Позади простиралась бескрайняя каменистая равнина, освещенная огромной, болезненно-желтой луной, занимавшей треть неба. Ландшафт напоминал одновременно Камчатку и поверхность Марса — застывшая лава, острые базальтовые пальцы скал, тянущиеся к небу, абсолютное отсутствие растительности.

А сам он балансировал на узком каменном карнизе шириной в половину ступни. Один шаг назад — и твердая почва. Полшага вперед — и вечность.

Сердце, минуту назад еле трепыхавшееся от апатии, теперь колотилось где-то в горле. Адреналин ледяной волной вымыл из вен остатки алкоголя и усталости. Инстинкт самосохранения, атрофировавшийся от офисной рутины, взвыл пожарной сиреной. Игорь судорожно взмахнул руками, пы-

таясь удержать равновесие, сделал рваный вдох, впуская в легкие холодный, разреженный высокогорный воздух, и резко отшатнулся назад. Каблуки его домашних тапочек — тех самых, потертых, с вышитым Микки Маусом, — проскользнули по песку. Он тяжело упал на спину, больно ударившись копчиком о камень. Песок забился в волосы, под футболку, обжег холодом поясницу.

Он отполз на четвереньках подальше от края, пока не уперся спиной в невысокий гладкий валун. Только тогда сел, подтянув колени, и оглядел себя. Старая домашняя футболка с логотипом какого-то IT-форума двухлетней давности, мятые спортивные штаны, дырявые тапочки. Абсурд этого маскарада посреди инопланетного пейзажа на секунду выбил из него остатки страха. Он сошел с ума. Белка горячка. Организм наконец не выдержал марафона из энергетиков и недосыпа, и кора головного мозга просто выключилась, подарив ему самую детальную галлюцинацию в истории психиатрии.

— Интересная реакция, — раздался голос совсем рядом. Голос был женский. Глубокий, спокойный, лишенный всякого раздражения. Так говорят хирурги перед сложной операцией или диспетчеры при посадке аварийного борта. Никакой экзальтации, никакого сочувствия — чистая функциональность.

Игорь дернулся, разворачиваясь на звук, выставив вперед руки в жалкой попытке защититься.

Она стояла в трех шагах от него. Совсем близко к обрыву, на самой кромке, совершенно игнорируя опасность. На ней было простое длинное платье из неотбеленного льна, перехваченное на талии плетеным шнуром. Босые ноги уверенно стояли на шатком камне. Темные, чуть выющиеся волосы падали на плечи тяжелой массой. Лицо нельзя было назвать красивым в привычном понимании глянца — слишком широкие скулы, прямой нос, строгая линия губ. Но оно притягивало взгляд абсолютной, монументальной невозмутимостью. Ее кожа казалась высеченной из того же светлого камня, что окружал их. И глаза. Огромные, темные, в которых не отражалась ни безумная луна, ни красный огонь бездны. Они смотрели сквозь Игоря, куда-то гораздо глубже кожи и костей.

В руках она держала простой деревянный посох, отполированный до блеска миллионами касаний.

— Ты не сходишь с ума, Игорь, — сказала она, и уголок ее рта едва заметно дрогнул. — Скорее, наоборот. Твой разум наконец начал приходить в норму, сбрасывая токсичную анестезию повседневности. Поэтому реальность вокруг кажется такой острой. Обострение чувств всегда пугает тех, кто привык жить на минимальной яркости.

Игорь смотрел на нее, открывая и закрывая рот. Горло пересохло. Он попытался сглотнуть, но наждаком провел по воспаленному языку. — Где... — просипел он. — Что это? Кто вы?

— Меня зовут Ая, — она легко перешагнула с одного нестабильного камня на другой, приближаясь. Посох в ее руке не служил опорой, скорее, это был символ власти над этим пространством. — А это, — она повела свободной рукой, охватывая пейзаж с желтой луной и туманным ущельем, — внешняя оболочка твоего вопроса. Архитектура отчаяния. Люди часто думают, что задают вопросы вселенной. Но обычно они обращаются внутрь себя. Просто делают это так громко, что эхо возвращается снаружи.

— Я ничего не задавал, — прохрипел Игорь, чувствуя, как липкий ужас начинает сменяться иррациональным гневом. Гнев был понятнее, заземленнее страха. — Я просто хотел спать! Я устал считать эти чертовы копейки! Верните меня домой! У меня завтра планерка в девять утра, если я опоздаю, Ковалев сожрет меня с потрохами!

Упоминание офиса, планерки и ненавистного начальника отдела продаж здесь, среди черных скал, прозвучало настолько жалко и неуместно, что Игорь осекся. Собственный голос показался ему писклявым писком мыши, попавшей в турбину самолета.

Ая посмотрела на свои босые ноги, затем перевела взгляд на его дырявые тапочки. В ее глазах мелькнуло нечто похожее на усталость веков. — Планерка отменяется, — ровно сообщила она. — Как и квартальный отчет. Как и выплата по кредитной карте «Эльдорадо». Как и твоя аренда. Пока ты здесь, твой мир поставлен на паузу. Время там течет иначе.

Для них пройдет меньше секунды падения ручки, которую ты выпустил из рук, прежде чем оказаться тут. Хотя падение будет очень, очень долгим. Красивая метафора, кстати. Ручка падает дольше, чем длится человеческая жизнь, если смотреть на нее из правильной точки.

Она сделала еще один шаг. Теперь их разделяло расстояние вытянутой руки. От нее не пахло духами или мылом. От нее пахло озоном, старой бумагой и далекими снегами. — Вы сумасшедшая, — сказал Игорь, прижимаясь лопатками к валуну. — Или я. Это какая-то постановка? Розыгрыш? Скрытая камера? Я читал про такие секты, гипноз...

— Гипноз требует веры субъекта, — перебила Ая. — А ты сейчас веришь только в одно: в боль собственного копчика и в абсурд происходящего. Это хорошее начало. Вера в абсурд — первый шаг к пониманию настоящих законов физики. Те законы, по которым едет твое метро и капает кран на кухне — лишь частный случай, упрощенная версия для пользовательского интерфейса.

Она опустила перед ним на корточки. Платье легло складками на черный песок. Она оказалась ниже его ростом, но смотрела так, что Игорь чувствовал себя насекомым под микроскопом.

— Ты спросил: «Зачем всё это?» — напомнила она тихо. — Ты швырнул этот вопрос в лицо мирозданию, как перчатку. Большинство людей умирают, так и не решившись произнести это вслух. Они жуют свою жвачку из обязанностей,

боятся заглянуть за край, потому что знают — там нет ответа, который поместится в график платежей. Но ты посмотрел. Искренне. Без самообмана. И мост рухнул.

— Какой мост? — выдохнул Игорь. Холод пустыни пробиравал сквозь тонкую ткань штанов.

— Тот, на котором ты стоял последние восемь лет. Иллюзия стабильности. Ты думал, что если вовремя вносить минимальный платеж, улыбаться клиентам и не перечить начальству, смерть и смысл обойдут тебя стороной. Но фундамент давно сгнил. Вопрос «зачем» работает как кислота. Он разъел последнюю скрепу. Вот почему мы здесь.

Игорь поднял голову. Желтая луна залив landscape мертвенным светом. Ветер, прилетевший из тумана, принес запах древнего пепла. — Я не хочу быть здесь, — сказал он тише. Агония борьбы начала отпускать, оставляя место звенящей пустоте. — Я хочу вернуться. Мне страшно. Я боюсь высоты. Я ненавижу море. Я просто хочу заварить доширак, включить телевизор и забыть обо всем этом. Я согласен бежать на месте. Я согласен быть функцией в таблице Excel. Только верните меня в мою тихую, серую тюрьму.

Ая долго молчала. Она смотрела мимо него, туда, где горизонт изгибался невозможной дугой. Когда она снова повернулась к нему, в ее темных зрачках на мгновение отразились обе луны — желтая сверху и красная, пульсирующая из бездны.

— Тихих тюрем не бывает, Игорь. Бывает только разная

толщина стен. Твоя стена стала прозрачной. Тебе может казаться, что ты хочешь вернуться к своему дошираку, но твои легкие уже вдохнули настоящий воздух. Твоя кровь помнит ритм настоящего океана. Назад пути нет. Даже если я щелкну пальцами и перенесу твое тело обратно на ламинат, ты останешься здесь. Навсегда. Ходячий мертвец, запертый в живой оболочке. Ты будешь сидеть на совещании и видеть вместо лиц коллег черные провалы в тумане. Будешь есть свой ужин и чувствовать на зубах песок этой пустыни. Сумасшествие внутри матрицы — самый страшный вид пытки.

Она протянула руку. Ладонь была теплой, мозолистой, настоящей. Абсолютно материальный противовес всему этому космическому бреду. — Ты хотел правды? — спросила она, и ее голос впервые дрогнул, окрасившись нотками мрачно-го веселья. — Правда редко приходит в виде доброй вести. Чаще всего она выглядит как катастрофа. Как конец света в масштабах одной личности. Но катастрофы — это лучший способ очистки ландшафта. Придется идти.

Игорь смотрел на ее ладонь. Потом на зияющий провал слева. Потом на свои дрожащие руки. Вся его сущность кричала об опасности. Каждое животное воспоминание требовало сжаться, спрятаться, отрицать. Но вместе с животным ужасом пришло другое чувство. Странное, горькое облегчение. Ощущение человека, который часами держит на весу тяжеленную гирю и вдруг понимает, что имеет полное право разжать пальцы. Пусть лучше эта гиря раздавит его, чем

мышцы сгорят окончательно.

Правда. Он действительно хотел правды. Самой грязной, самой убийственной, любой, лишь бы не эта серая анестезия.

Он вложил свою ледяную, влажную от страха ладонь в ее руку.

Кожа Аи была обжигаяще горячей.

Как только контакт состоялся, пейзаж моргнул. Желтая луна погасла. Черная бездна справа исчезла. Рев ветра стих.

Они стояли на полосе мокрого песка, которую лениво лизала свинцовая вода. Никаких скал, никакой пустыни. Обычное северное море под низким, тяжелым небом цвета мокрого цемента. Мелкая, холодная морось оседала на лице. Волны накатывали с глухим, утробным стуком, выстраивая и тут же разрушая песчаные замки. Вода была черной, густой, в ней не отражалось ничего. Пахло гнилыми водорослями и солью так сильно, что першило в горле. Место выглядело абсолютно безжизненным, заброшенным концом географии.

Игорь вырвал руку и отскочил назад, поскользнувшись на мокрых водорослях. Сердце снова дало сбой, пропустив пару ударов. — Что это? Очередной уровень? — выплюнул он, кутаясь в промокшую насквозь футболку.

— Начало долгого путешествия, — ответила Ая. Она сняла с пояса небольшую флягу из темного стекла, открутила крышку и протянула ему. Внутри плескалась обычная пресная вода. — Здесь начинается путь. Отсюда расходятся тропы ко всем нерешенным вопросам твоей жизни. Мы будем

идти пешком. Еды мало. Спать придется на земле. Иногда будет очень холодно. Иногда — невыносимо больно. Я не буду держать тебя за руку. Моя задача — следить, чтобы ты не свернул в ложную память, приняв комфортный самообман за выход. Пойдешь добровольно — получишь шанс найти ответ. Начнешь сопротивляться реальности — она начнет ломать тебя физически. Выбор за тобой.

Она кивнула головой вправо, вдоль берега. Там, километрах в двух, пляж сужался, превращаясь в узкую косу, за которой океан смыкался с таким же свинцовым небом. Линия горизонта была идеально ровной и безнадёжной.

Игорь посмотрел в указанном направлении. Потом обернулся назад. Позади был только бескрайний, унылый берег, уходящий в сизую дымку дождя. Никаких следов. Никакого портала. Никакого дома.

Он остался один на один с фактом своего существования. Впервые за много лет никто не говорил ему, что делать, какую кнопку нажать и сколько процентов отложить на черный день. Не было системы мотивации, бонусов и штрафов. Была только мокрая одежда, сосущее чувство голода и женщина, предлагающая прогулку длиной в жизнь ради непонятно чего.

— Куда мы идем? — хрипло спросил он, засовывая руки в карманы спортивных штанов. Пальцы наткнулись на забытый там чек из супермаркета. Жалкий мусор из прошлой жизни.

— К тому мальчику, которого ты оставил на автобусной остановке двадцать лет назад, — спокойно сказала Ая и, не дожидаясь ответа, сделала первый шаг по направлению к ко-се. Вода обожгла ей стопы, но лицо осталось непроницаемым. — Ему до сих пор очень холодно стоять под тем дождем. Нам предстоит пройти через него, прежде чем двигаться дальше.

Игорь проводил ее взглядом. Сил ненавидеть ее больше не было. Страх никуда не делся, он засел глубоко в костях тупой, ноющей тяжестью. Но поверх него легла гранитная плита принятия. Он оттолкнулся от скользкого бревна, на которое опирался, поправил воротник мокрой футболки и пошел следом.

Песок чавкал под ногами. Морось заливала глаза. Первый шаг дался невероятно трудно, второй — легче, третий вошел в ритм тяжелого дыхания холодного моря. Он шел за женщиной в льняном платье прочь от единственного мира, который знал, в сторону полосы земли, заканчивающейся ничем.

Дождь усиливался, смывая с его лица последние следы той, прежней жизни. Серое небо опускалось все ниже, готовясь принять их в свои сырые объятия. Путешествие началось.

Первые сутки слились в сплошную полосу физического страдания, очищенного от всякой философии. Высокопарные речи о поиске истины разбились о банальную биологию. Они шли вдоль линии прибоя. Идти по плотно утрамбо-

ванному водой песку было относительно легко, но каждые сто метров побережье выдавливало на берег новые препятствия: нагромождения острых камней, поля скользких, гниющих водорослей, источающих тошнотворный запах метана, или целые кладбища плавника — искореженные стволы деревьев, похожие на ребра исполинских левиафанов.

Небо не прояснялось ни на минуту. Низкие тучи цеплялись за макушку Игоря, пропитывая одежду влагой, которая моментально остывала на ветру. Северное солнце, бледное и плоское, как старая монета, иногда проглядывало сквозь марево на несколько минут, окрашивая воду в цвет разбавленного уксуса, но тепла не приносило. Температура воздуха вряд ли поднималась выше восьми градусов.

Игорь замерз. Замерз так, как никогда не замерзал в офисе под вечно работающим кондиционером. Холод проникал сквозь тонкие подошвы тапочек, вытягивая тепло из костей. Он продрог до самого нутра, до дрожи в жевательных мышцах. Зубы начали отбивать частую дробь уже через час пути, и вскоре челюсть свело судорогой так, что он боялся прикусить язык. Его модные городские кроссовки остались на ламинате съемной квартиры, и теперь каждый шаг по скрытой под песком острой ракушке отзывался вспышкой боли. Домашние штаны намокли от колен и болтались мокрой тряпкой, хлопая по икрам.

Ая шла впереди. Босиком. Она ступала по острым обломкам ракушек, битому стеклу и ледяным лужам так, слов-

но гуляла по подогретому мрамору дворца. Ее шаги были бесшумными, движения — экономичными. Она ни разу не обернулась проверить, идет ли он следом. Эта уверенность раздражала Игоря сильнее, чем холод. Она вела себя не как гид, а как хозяйка этих мест, совершающая ежедневный обход владений.

Через четыре часа непрерывной ходьбы Игорь рухнул. Просто остановился, сделал очередной вдох соленого тумана, почувствовал, как предательски ослабели колени, и сел прямо там, где стоял, погрузив ладони в холодный ил.

— Привал, — констатировала Ая, останавливаясь в десяти шагах от него. Она не выглядела уставшей. Ни одышки, ни капли пота на висках. Лишь легкое покраснение стоп.

Игорь не ответил. Он подтянул колени к груди, обхватил их руками, пытаясь сохранить остатки тепла, и уставился в одну точку. Мир сузился до размеров пульсирующего пятна боли в промерзших ногах. Все мысли о смысле бытия, о брошенном автобусе и офисных интригах вымыло ледяной водой. Осталось только примитивное желание согреться. Живот подвело от голода — звериного, сосущего чувства, от которого темнело в глазах.

Ая достала из складок платья (которые оставались сухими, несмотря на ливень) плоский сверток. Развернула плотную вощеную бумагу. Внутри лежали два твердых, как камень, ржаных сухаря и кусок темного, прессованного сахара, какими пользовались геологи прошлого века.

Она бросила один сухарь Игорю. Он ударился о его колено и упал в песок. Игорь тупо посмотрел на комок хлеба, покрытый крупинками соли и песка. Есть не хотелось. Желудок спазмировался от вида твердой пищи. Но жажда сводила с ума. Во рту стоял вкус ржавчины и собственной желчи.

Ая села на перевернутый панцирь какого-то огромного морского членистоногого, прислонив посох к плечу. Она не притронулась к своей порции. Она смотрела на горизонт, где серое небо пожирало серую воду.

— Почему сахар? — просипел Игорь, с трудом разлепляя губы. — Могла бы создать стейк. Или теплую ванну. Ты же можешь управлять материей.

— Управление материей стоит дорого, — отозвалась Ая, не поворачивая головы. — Закон сохранения энергии действует и здесь, просто расчеты сложнее. Если я создам тебе горячий суп из пустоты, где-то в реальном мире лопнет труба отопления в детском саду. Если дам тебе крылья, у кого-то откажет парашют. Я могу менять декорации сознания, направлять твой фокус внимания, лечить раны наложением рук, используя резерв твоего же тела. Но создавать материю ex nihilo могут только демиурги начальных уровней творения. Я — проводник. Мой ресурс ограничен выносливостью путника. Хочешь комфорта — заработай его своим метаболизмом. Перевари сухарь — получишь каплю внутреннего тепла. Законы термодинамики священны даже для богов, Игорь.

Ее логика была безупречной и оттого бесчеловечной. Игорь подобрал сухарь. Попытался откусить — зубы едва не раскрошились. Пришлось размачивать его слюной, превозмогая рвотные позывы от вкуса плесени и морской воды. Сахар он грызть не смог — челюсти отказались сжиматься с нужной силой. Он просто рассосал кусочек, чувствуя, как дешевая глюкоза взрывается на языке фейерверком, отправляя в мозг короткие сигналы блаженства. На тридцать секунд стало теплее. Потом холод вернулся с удвоенной силой, наказывая за украденное счастье.

— Куда мы идем? — повторил он вопрос, заданный вчера. Сейчас он звучал иначе. Без истерики. С тупым смирением скотины, которую ведут на бойню.

— Туда, — Ая качнула подбородком в сторону севера. — Видишь синеву? Это не вода. Это граница плотности. Там заканчивается география памяти и начинается чистилище непрожитого. До него еще около тридцати километров. К закату должны успеть, иначе ночевать придется в полосе максимального эмоционального гниения. Там водятся тени старых обид, они питаются остаточным теплом живых.

Игорь проследил за ее взглядом. Действительно, километрах в пяти впереди свинцовая монотонность пляжа разрезалась тонкой вертикальной полосой глубокого ультрамарина. Словно кто-то плеснул в серую краску синьку.

— Мы могли бы... — он хотел сказать «оказаться там мгновенно», но слова застряли в горле. Гордость офисного

выживальщика, привыкшего искать кратчайшие алгоритмы, боролась с животной усталостью. Просить чудо было стыдно. — Мы могли бы пойти быстрее.

— Быстрее пойдет только страх, — отрезала Ая. — А мне нужен ты. Весь, целиком. Со всеми твоими стертыми в кровь пятками, с твоим урчащим желудком и желанием послать меня к черту. Если я понесу тебя на руках, ты ничему не научишься. А цель пути — научить тебя ходить самостоятельно. Иначе, вернувшись, ты снова ляжешь на свой диван и начнешь толстеть от тоски.

Она поднялась. Движения ее были текучими, лишенными возраста. — Вставай. Если уснешь сидя, гипотермия заберет тебя за сорок минут. Твоя статистика смертности от остановки сердца в моем присутствии равна нулю, но проверять нижний порог прочности твоей воли я сегодня не планирую.

Страх смерти оказался эффективнее доводов разума. Игорь зашипел от боли, когда распрямил затекшие ноги. Колени хрустнули. Первые шаги он делал на пятках, не в силах наступить на изрезанные песком подошвы. Кровь запеклась на коже причудливыми узорами. Каждый шаг отдавался выстрелом боли в позвоночнике.

Они пошли дальше.

Второй этап пути принес новые открытия в анатомии отчаяния. Боль в ногах притупилась, перейдя в фоновый гул, но начался дождь. Мелкая, секущая ледяная крупа, которую ветер бил в лицо горизонтально. Она моментально набилась

в волосы, за шиворот, склеила ресницы. Видимость упала до нескольких метров. Шум прибоя стал глуше, зато ветер выл в ушах, заглушая собственные мысли.

Игорь натянул воротник футболки на подбородок, хотя это не спасало. Он шел, низко наклонив голову, глядя только на пятки идущей впереди Аи. Мир превратился в коридор из мокрой ткани собственных волос и серости. Он потерял счет времени. Часы на запястье тоже остались дома, да и батарейки бы не пережили такого купания. Солнце окончательно скрылось. Ориентироваться можно было только по шуму волн слева и по спине проводника.

Сколько они идут? Шесть часов? Десять? Пятнадцать?

В какой-то момент Игорь поймал себя на том, что считает шаги. Тысяча двести сорок три... тысяча двести сорок четыре... Это был старый армейский трюк, о котором он читал в книжках, помогающий не сойти с ума от монотонности марш-бросков. Механический ритм отвлекал от холода. Левая-правая, левая-правая. Вдох на четыре шага, выдох на шесть. Синхронизация биомеханики.

Он перестал быть менеджером среднего звена. Он перестал быть должником с просроченными квитанциями. Он стал парой ходящих конечностей, системой кровообращения, пытающейся прокачать горячую кровь к окоченевшим пальцам. Эго съежилось до размера булавочной головки, оставив чистый функционал. И в этом механическом движении, в этом преодолении вопреки всему телу, впервые за де-

сятилетие появилось что-то похожее на ясность. Чистота истощения.

На тринадцатом километре — если верить внутреннему шагомеру, который мог ошибаться на любую величину — они вышли к реке. Узкий, быстрый поток черной воды перерезал пляж, впадая в море бурлящим, пенистым устьем. Вода несла куски льда. Моста не было.

Игорь остановился на берегу, глядя на стремительное течение. Переплыть невозможно — унесет в море за минуту. Ноги откажут от холода еще раньше.

Ая подошла к воде. Опустилась на одно колено, опустила пальцы в черную воду. — Брод здесь, — сказала она. — Метрах в двадцати западнее, где камни образуют гребенку. Вода будет по грудь. Течение сильное, но дно стабильное. Главное — не смотреть вниз, иначе вестибулярный аппарат решит, что тебя затягивает в омут, и запустит паническую атаку. Паника в ледяной воде убивает быстрее ножа.

— Я не полезу, — прошептал Игорь. Губы посинели. — Я не самоубийца. Давай найдем дерево, сделаем плот...

— Ближайшее дерево растет в четырех днях пути отсюда, — равнодушно сообщила Ая, вытирая пальцы о подол. — К тому моменту твои ступни придется ампутировать. Плот займет неделю строительства. У нас нет недели. Скоро начнется сизигийный прилив, вода поднимется, и брод затопит. Мы либо переходим сейчас, либо ты присоединяешься к теньям своих невыплаченных кредитов навсегда. Выбирай. Ме-

тодология поиска комфорта или алгоритм выживания?

Она говорила о смерти так буднично, обсуждая меню в столовой. Это обезоруживало. Логика отсутствия выбора — самая сильная форма принуждения.

— Как дышать? — спросил Игорь. Зубы снова начали стучать.

— Задерживаешь дыхание на входе. Пересекаешь максимально быстро. На выходе — диафрагмой, короткий резкий выдох, чтобы не выбить остатки тепла. Держись за мой посох. Я поведу.

Она вошла в воду первой. Черная река приняла ее колени без всплеска. Игорь смотрел, как льняное платье моментально темнеет, прилипая к бедрам, как вода поднимается к ее талии. Она не вздрогнула. Ни единой мурашки не пробежало по ее коже.

— Ну же. Коэффициент твоего доверия миру равен статистической погрешности. Исправляй статистику.

Игорь подошел к кромке. Вода выглядела густой, как нефть. Он снял мокрые домашние штаны и футболку, оставшись в одних трусах — мокрая одежда в ледяной воде работала как свинцовый саван, гарантированно тянущий на дно. Аккуратно сложил вещи на камень. Сухари завернул в пакет, который нашел в кармане, и сунул за пазуху.

Первый шаг в реку стал актом чистого мазохизма. Ледяной шок парализовал диафрагму. Воздух выбило из легких спазмом. Тысячи раскаленных игл вонзились в кожу. Игорь

ахнул, захлебнулся воздухом и пошатнулся. Течение тут же толкнуло его в бок, попыталось свалить с ног.

— Держись! — голос Аи донесся сквозь рев воды и звон в ушах.

Он выбросил руку, схватился за протянутый деревянный посох. Дерево было шершавым и надежным. Единственная точка опоры в этом движущемся льду.

Они двинулись. Каждый шаг давался титаническим усилием. Вода была не просто холодной, она была агрессивной. Она жалила, кусала, пыталась разжать пальцы. Уровень поднялся до середины груди. Игорь дышал короткими, собачьими вдохами. Легкие горели от холода. Сердце молотило в ребра с частотой пулемета. Перед глазами поплыли красные круги.

«Гипотермия, — отстраненно подумал он частью мозга, сохранившей способность к анализу. — Потеря координации скоро. Потом остановка сердца».

— Не смей, — услышал он голос Аи прямо над ухом. Она шла вплотную, плечо к плечу, принимая на себя основную силу течения. — Не смей сдаваться физике. Физика здесь подчиняется воле. Дыши. Считай шаги. Двадцать шагов. Всего двадцать.

Он начал считать. Один. Левая нога примерзла к дну. Два. Выдернуть. Три. Боль белая, ослепляющая. Четыре. Носок зацепился за что-то скользкое — утопленную корягу. Пять. Посох Аи удержал его от падения лицом в воду. Шесть. Гос-

поди, как же холодно. Семь. В глазах темнеет. Восемь. Берег. Он видит камни другого берега. Девять. Еще пять шагов. Десять. Мышцы живота свело судорогой.

— Одиннадцать, — командовала Ая. — Двенадцать. Выходи. Не падай. На берег. Ползи.

Посох уперся в дно, давая финальный толчок. Игорь вывалился из реки на крупную гальку, как выброшенная на берег рыба. Он упал на бок, скорчившись эмбрионом. Всё тело тряслось крупной, неконтролируемой дрожью. Зубы выбивали такую дробь, что заболели челюстные суставы. Это была *goose flesh* во всей ее первобытной мощи — миллионы мышечных волокон пытались сгенерировать хоть каплю тепла путем хаотичного сокращения.

Ая вышла следом. С нее ручьями стекала вода, но она стояла прямо. Она опустилась рядом с ним на одно колено, положила свою ледяную ладонь ему на лоб. Прикосновение обожгло огнем.

— Терпи, — приказала она. — Самый пик холода пройден. Сейчас сосуды начнут расширяться. Будет больно. Это

Глава 2. Иллюзия времени

— Терпи, — приказала она. — Самый пик холода пройден. Сейчас сосуды начнут расширяться. Будет больно. Это называется «возвращение крови». Если сердце слабое, оно может не выдержать нагрузки.

Игорь хотел огрызнуться, что его сердце крепче любого банковского договора, но из горла вырвался только сиплый хрип. Он был прав насчет боли. Ощущение было таким, словно под кожу загнали раскаленную проволоку и теперь медленно протаскивают ее через каждую мышцу. Тряска стала еще сильнее, перейдя в конвульсии. Пальцы на ногах и руках, которые он уже перестал чувствовать, внезапно вспыхнули тысячами иголок — острая, саднящая агония восстанавливающегося кровотока.

Ая положила вторую руку ему на грудь, прямо над сердцем. Ее ладони были тяжелыми и горячими, как кирпичи, вынутые из русской печи. Она не делала никаких пассов, не шептала заклинаний. Просто передавала вес своего присутствия. Под ее ладонями мышцы Игоря начали постепенно расслабляться. Дрожь пошла на спад, сменившись глубоким, изматывающим ознобом. Зубы все еще стучали, но дыхание выровнялось.

— Вставай, — сказала она спустя вечность, когда небо над горизонтом начало едва заметно сереть, готовясь к рассвету.

— Мокрое белье убьет тебя быстрее, чем река. Отожми воду из одежды. Разотри конечности до мяса. Нам нужно двигаться, чтобы сгенерировать тепло метаболизмом.

Они шли остаток ночи без остановок. Игорь больше не жаловался. Организм перешел в режим аварийного энергосбережения. Боль от стертых ног стала фоновым шумом, тихой радиостанцией, играющей где-то на краю сознания. Холод отступил, вытесненный внутренним жаром непрерывного движения. Рассвет они встретили молча, бредя по самой кромке воды. Небо очистилось, обнажив бледную, равнодушную синеву. Море успокоилось, превратившись в гладкое ртутное зеркало.

Именно тогда Игорь заметил их. Сначала одну. Золотой блик среди серой гальки. Он машинально нагнулся, ожидая увидеть кусок обточенного морем стекла, но предмет оказался тяжелым. Идеально круглый карманный циферблат старинных часов, покрытый сеткой мелких трещин, похожих на паутину. Стекло отсутствовало, стрелки намертво застыли на отметке 11:43. На обратной стороне была выгравирована витиеватая надпись, почти стертая водой: *«Пока мы вместе»*.

Он бросил находку обратно в камни, почувствовав внезапный укол тоски. Но через десять шагов увидел другие. Они лежали россыпью, будто кто-то высыпал мешок мусора времени прямо здесь, на границе двух стихий. Женские часики с эмалью и фальшивыми бриллиантами, раздавлен-

ные весом крупной гальки. Массивные командирские часы советского образца с треснувшим оргстеклом. Тонкие электронные браслеты из будущего, чьи мертвые экраны покрывала соль. Морская вода сгладила их углы, окрасила в едкий зеленый цвет окислившейся меди и бронзы, но суть осталась прежней — застывшие мгновения чужих жизней.

Игорь остановился. Он поднял одни из них — тяжелые серебряные часы на порванном кожаном ремешке. Открыл крышку. Механизм внутри был полон черного ила и песка. Ржавчина съела шестеренки. Время умерло здесь давно и безвозвратно, оставив после себя лишь красивую оболочку. — Почему их так много? — спросил он, глядя на Аю. — Шторм вынес?

Ая подобрала изящные женские часики со сломанной заводной головкой. Повертела их в пальцах, рассматривая игру света на потускневшем золоте. — Шторм всегда выносит мусор на берег, — ответила она. — Но это не просто металлолом. Это материальное воплощение человеческой иллюзии. Вы пытаетесь поймать бесконечность в маленькую коробочку с шестеренками. Вы нарежете вечность на дольки, называете их минутами и пугаетесь, когда эти дольки заканчиваются.

Она размахнулась и швырнула часики далеко в море. Серебряный кругляш сверкнул на солнце и исчез в свинцовой воде без единого всплеска. — Ты вчера говорил, что жизнь проходит слишком быстро, — продолжила она, возобновляя

шаг. Ее босые ступни оставляли на мокром песке идеальные отпечатки, которые тут же слизывала волна. — Что ты ничего не успел. Тебе тридцать четыре года, и ты чувствуешь себя опоздавшим на поезд.

Игорь сунул руки глубоко в карманы промокшей толстовки. Ему отчаянно хотелось закурить, хотя он бросил пять лет назад. Желание затянуться горьким дымом всегда возникало на месте душевной пустоты, которую требовалось чем-то заполнить. — Я и есть опоздавший, — буркнул он. — Посмотри вокруг. У всех моих однокурсников ипотеки выплачены наполовину, дети в гимназиях, машины меняют раз в три года. Кто-то открыл свой бизнес. Кто-то уехал на Бали преподавать серфинг. А я... я даже отпуск нормально взять не могу, потому что если уйду, Ковалев завалит проект, и меня уволят к чертовой матери. Я живу в съемной квартире с ободранными обоями и считаю калории в дешевой лапше. Моя лучшая часть жизни закончилась в университете, когда мы пили дешевое вино на крыше и верили, что изменим мир. Дальше начался спуск. Ипотека, простатит, усталость. Жизнь сжимается, как шагреновая кожа. Каждый год пролетает быстрее предыдущего. Только моргнул — январь, моргнул — снова декабрь. Я боюсь обернуться однажды и понять, что всё кончено, а я так и не начал жить.

Его голос звучал глухо. Это была исповедь человека, привыкшего держать лицо перед коллегами, впервые произнесенная вслух. Страх старости и нереализованности висел над

ним дамокловым мечом, заставляя бежать еще быстрее по беговой дорожке долгов.

Ая слушала внимательно, склонив голову набок. Когда он закончил, она тихо, сухо рассмеялась. Смех прозвучал скрипуче, как крик чайки. — Спуск? — переспросила она. — Шагреневая кожа? Ты смешиваешь разные физические законы, Игорь, пытаюсь описать ими свою биографию. Ты смотришь в зеркало заднего вида и называешь этот процесс движением вперед.

Она подняла с земли плоский камень, идеально подходящий для броска. Покрутила его в руке. — Ваше восприятие времени линейно. Прошрое — точка А. Будущее — точка Б. Настоящее — исчезающе тонкая линия между ними, которую невозможно удержать пальцами. Поэтому вы постоянно промахиваетесь. Вы живете либо там, позади, перебирая ошибки и упущенные возможности, либо там, впереди, тревожась о счетах, которые еще не пришли, и болезнях, которыми еще не заболели. А настоящее используете как вокзал ожидания. Грязный зал, где можно перекусить дрянной едой, пока ждешь своего рейса в счастье.

Она сильно, по-мужски метнула камень вдоль берега. Камень коснулся воды раз, второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой... *Плюх. Плюх. Плюх.* Семь касаний реальности. Семь мгновений «сейчас». — Сколько камней сейчас в твоей руке? — спросила Ая. — Ни одного, — ответил Игорь, непонимающе глядя на расходящиеся по воде круги.

— Верно. Но разве шестого камня больше не существует? Разве первый упал в никуда? Для вашего ума прошлое перестает существовать в момент наступления настоящего. Вы думаете, время течет, как эта река, — она кивнула на черный поток, который они пересекли ночью. — Из истока в устье. Безвозвратно.

Она присела на корточки, зачерпнула пригоршню мелкой гальки. Песчинки просачивались сквозь ее пальцы обратно на берег. — Время — это не река, Игорь. Река требует русла, берегов и гравитации. Время вообще не обладает протяженностью. Оно — математическая фикция, удобная система координат для трехмерных существ. Реальность устроена иначе. Всё, что было, и всё, что будет, происходит одновременно. Прямо сейчас. Университетская крыша, вкус того кислого вина, твой страх перед планеркой у Ковалева и твоя смерть в постели семьдесят лет спустя — всё это существует в одной точке. Как файлы на жестком диске. Ты можешь открыть любой, но операционная система твоего мозга настроена открывать их строго по очереди, создавая иллюзию сюжета.

Игорь почувствовал, как почва уходит из-под ног. Не физическая земля — та была твердой. Ушла из-под ног ментальная опора. Всю его жизнь строили на фундаменте хронологии. Сначала детский сад, потом школа, институт, работа. Если нет прошлого и будущего, значит, нет и развития. Нет достижений. Нет ошибок. — Тогда какой смысл? — выдавил

он. — Если всё уже случилось, если финал известен заранее, зачем вообще вставать с кровати? Зачем идти куда-то? Мы просто персонажи в уже написанной книге. Куклы, которых дергают за ниточки причинно-следственных связей.

— Смысл ровно в этом, — Ая встряхнула рукой, сбрасывая последние песчинки. — В фокусе внимания. Книга написана, буквы высохли. Но читатель может читать ее с любого места. Может перечитывать любимую главу сто раз. Может закрыть книгу на середине и пойти пить чай. Автор дал тебе персонажей и декорации, но фокус взгляда — твоя привилегия.

Она подошла к нему вплотную. Воздух вокруг нее казался плотнее, теплее. Игорю пришлось задрать голову, чтобы смотреть ей в глаза. — Твоя тревога о будущем и сожаление о прошлом — это паразиты, — прошептала она. — Самые прожорливые существа во вселенной. Они питаются единственным ресурсом, который у тебя действительно есть. Настоящим моментом. Когда ты боишься увольнения завтра, ты позволяешь призраку красть силы сегодня. Когда ты плачешь по утраченной юности, ты ворует краски у нынешнего дня, делая его серым в угоду мертвому. Ты отдаешь свое топливо вору, а потом удивляешься, почему батарейка села к тридцати четырем годам.

— Легко сказать, — огрызнулся Игорь, отворачиваясь. Солнце начало припекать плечи, нагревая влажную ткань, и это становилось невыносимо. — Попробуй не думать о сче-

тах, когда коллекторы звонят в дверь. Попробуй насладиться вкусом доширака, когда знаешь, что дома ждет пустой холодильник.

— Коллекторы стоят в дверях *сейчас*, — жестко парировала Ая. — Доширак находится во рту *сейчас*. А счета и пустой холодильник существуют только в твоем воображении как проекция страха и памяти. Ты ешь горелый пластик и глутамат натрия, но вкуса не чувствуешь, потому что жуешь свои фантазии о нищете. Ты открываешь рот, чтобы еда попала внутрь, но сознание твое закрыто на амбарный замок тревоги.

Она вдруг резко выбросила руку вперед и схватила Игоря за подбородок. Хватка была стальной. Она повернула его лицо к себе, заставив посмотреть прямо в зрачки, где плескалась древняя тьма. — Закрой глаза, — скомандовала она. — Глубокий вдох носом. Медленный выдох ртом. Почувствуй, как холодный воздух обжигает ноздри. Чувствуешь?

Игорь замер. Приказ парализовал волю. Он подчинился. Вдох. Прохлада. Выдох. Тепло. — Теперь почувствуй песок под своими стопами, — продолжала она тише, гипнотически. — Между большим пальцем и вторым. Там острый кусочек ракушки. Он колет кожу. Больно? — Да, — выдохнул Игорь. — Хорошо. Это правда. Ракушка реальна. А теперь услышь море. Не общий гул. Выдели один самый дальний гребень волны. Проследи, как он растет. Как белеет пена на его вершине. Как он обрушивается. *Ш-ш-шух*. Слышишь?

— Слышу. — А теперь самое главное. Открой глаза. Но не смотри на горизонт. Не смотри на меня. Посмотри на собственную ладонь. На линии жизни. На мозоли от ручки. На грязь под ногтями. Где в этой ладони ипотека? Покажи мне ее пальцем. Где в этой ладони несостоявшаяся поездка на Бали? Где там прячется твой начальник Ковалев?

Игорь открыл глаза. Опустил взгляд. Его рука выглядела чужой. Красная, обветренная, с черной каймой грязи. Линии судьбы сплетались в сложный узор. Кожа собиралась складками на костяшках. Никаких кредитных договоров. Никакого офиса. Только плоть, кровь и нервные окончания. Мир вокруг стал невероятно четким. Резким. Он видел каждую отдельную травинку выброшенной на берег морской травы. Видел радужную пленку бензина в луже. Слышал, как далеко, за километры отсюда, кричит какая-то птица. Запах соли ударил в нос с такой силой, что заслезились глаза. Тревога никуда не делась. Она сидела где-то в груди холодным комком. Но она перестала быть всем его существом. Она стала просто... фоном. словно включенное радио в соседней комнате.

— Иллюзия времени держится на глаголах прошедшего и будущего времени, — сказала Ая, отпуская его подбородок. — «Я сделал», «я сделаю». Перестань их использовать. Оставь только «есть».

Они пошли дальше. Игорь механически переставлял ноги, переваривая информацию. Мозг, натренированный года-

ми аналитической работы, пытался найти логическую дыру в ее словах, зацепиться за привычную картину мира. Если времени нет, то наказание за долги должно наступить мгновенно? Или не наступить вовсе? Если всё уже произошло, можно ли расслабиться? — Если всё это иллюзия, — нарушил он молчание часа через два, когда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы начать испарять влагу с их одежды, превращая ее в ледяной панцирь, — то кто я?

Вопрос повис в прозрачном воздухе. Чайки, кружившие над головой, издали резкий крик, вторя его словам. — Вот мы и подошли к сути, — Ая замедлила шаг, позволяя им оказаться рядом. — Главный вопрос экзистенции. Люди ищут ответ на него десятилетиями, пишут книги, уходят в монастыри. Они думают, что «Я» — это сумма воспоминаний плюс планы на будущее. Биография. Если забрать воспоминания и аннулировать планы, остается дырка от бублика. Пустота. Именно этого вы и боитесь больше смерти — обнаружить, что под слоем социальных ролей, должностей и семейного положения никого нет. Голый механизм выживания.

Она остановилась. Обернулась к нему. Ветер трепал ее темные волосы, бросая пряди на лицо. — Если время иллюзорно, — повторила она его вопрос, чеканя каждое слово, — кто ты есть в этот самый момент?

Игорь остановился как вкопанный. Вопрос ударил под дых, лишив кислорода. Он ожидал философской лекции о душе, монадах или квантовом сознании. Но вопрос требо-

вал инвентаризации. Буквального отчета о текущем состоянии системы. Он посмотрел на себя. Мокрая, грязная одежда. Голод, скручивающий внутренности. Боль в пятках при каждом переносе веса. Соленая корка на губах. Солнце, нагревающее макушку. Страх (да, страх всё еще был — первобытный, животный страх чужака в неизвестном мире). Раздражение от необходимости отвечать на идиотские вопросы вместо того, чтобы искать еду и тепло.

— Я... — он запнулся. — Я замерзший. Я голодный. Мне больно идти. Я раздражен.

— Это описание обстоятельств, — мягко качнула головой Ая. — Это погода внутри тебя. Обстоятельства приходят и уходят, как циклоны. Погода меняется. Был шторм в реке, стало солнечно на берегу. Был менеджер банка, стал бродяга на пляже. Это не константы. Кто наблюдает за погодой?

Игорь сжал кулаки. Злость начала подниматься волной. Эта женщина играла с ним, как кошка с мышью, используя термины, которые нельзя применить к реальной жизни. — Наблюдатель?! — взорвался он. — Какой наблюдатель?! Я — Игорь Сергеевич Патрушев! Дата рождения — семнадцатое мая тысяча девятьсот девяносто второго года! Место рождения — город Энск, роддом номер два! ИНН — семьдесят семь! Я — гражданин Российской Федерации с долгами в триста сорок тысяч рублей и просроченным паспортом! Я — человек, который боится темноты и публичных выступлений! Вот кто я! Наблюдатель сидит в моей голове и охере-

вает от происходящего, вот кто он!

Он тяжело дышал, выплевывая слова вместе с соленой слюной. Эхо его крика отразилось от редких прибрежных скал.

Ая смотрела на него абсолютно невозмутимо. Ни одна черта ее лица не дрогнула под напором его отчаяния. Она дала ему выкричаться, дождалась, пока пульсирующая жила на его виске немного успокоится. — Хороший список, — спокойно сказала она. — Очень подробный перечень тюремных татуировок. Ты перечислил всё, что принадлежит государству, банкам, родителям и социальному конструкту. Имя дали родители. Дату зафиксировал регистратор ЗАГС. Долги возникли из-за взаимодействия с финансовой системой. Страх публичных выступлений инсталлировали тебе в третьем классе, когда Марья Ивановна выставила тебя к доске, а ты забыл таблицу умножения.

Она сделала шаг вперед, сократив дистанцию до интимной. Настолько близко, что Игорь уловил запах ее кожи — сухой, пыльный запах старых книг и полыни. — Вычеркни всё это. Представь, что имени нет. Страны нет. Денег нет. Болезней нет. Памяти нет. Она ткнула указательным пальцем ему в центр груди. Твердо, болезненно. Прямо в грудину. — Что останется здесь? Когда смолкнет внутренний диалог, перечисляющий убытки и заслуги. Когда перестанет крутиться пластинка «как надо было ответить начальнику» и «что скажет мама». Когда уйдет злость на меня. Что смотрит моими

глазами прямо сейчас?

Палец давил. Игорь рефлексивно хотел отстраниться, сбросить руку, восстановить границы личного пространства. Но остался стоять. Вопрос проник сквозь слои защит, выстроенные годами психотерапии, алкоголя и самообмана. Что останется?

Он попытался выполнить упражнение. Начал мысленно отбрасывать слои. Вот ушла ненависть к Ковалеву. Мир не рухнул. Ушла мысль о том, что носки натерли кровавые мозоли. Боль осталась в теле, но мысли о ней исчезли. Ушло имя. «Игорь». Просто набор звуков. Ушла роль «жертвы обстоятельств». Ушло желание доказать этой женщине, что она права.

Внутри становилось просторнее. И страшнее. Потому что на дне, под всеми этими слоями, обнаруживалась звенящая, гулкая пустота. Черная дыра. Никого нет дома. Паника холодной змеей шевельнулась внизу живота. Если меня нет, то кто умирает, когда тело перестает функционировать? Куда девается всё это?..

— Страшно? — шепотом спросила Ая, видя, как побелели его губы, а зрачки расширились, поглощая почти всю радужку. — Страшно встретиться с собственным отсутствием? Большинство людей предпочитают забивать эту пустоту покупками, сексом, новостями и чувством собственной важности. Лишь бы не слышать эхо в собственном черепе. Они готовы носить любые маски, играть любые роли, терпеть лю-

бую боль, лишь бы не признать: под маской нет лица. Есть только способность видеть маску.

Игорь судорожно втянул воздух. Его трясло, но уже не от холода. Это был шок столкновения с абсолютом. — Если меня нет... — прохрипел он, цепляясь за последнюю соломинку рациональности, — ...то кто сейчас говорит? Кто слышит твои слова? Пустота не может вести диалог.

— Наконец-то, — уголки губ Аи чуть приподнялись в намеке на улыбку. — Умница. Она убрала палец от его груди, потерла занемевшие кончики. — Пустота не ведет диалог. Диалог ведут двое. Субъект и Объект. Но если убрать объект — меня, океан, кредитную карту — субъект никуда не исчезает. Он становится пространством, в котором возникает образ. Экраном кинотеатра. Картина на экране может быть трагедией, комедией или фильмом ужасов про ипотеку. Краска на пленке может быть яркой или черно-белой. Но экран всегда остается чистым. Он принимает форму любого изображения, но сам формой не является. Он неизменен.

Она развернулась и пошла дальше вдоль полосы прибора. Сделала несколько шагов, оставляя глубокие следы. — Ты спрашивал, кто ты есть в этот момент? — бросила она через плечо, не оборачиваясь. — Ты — тот, кому снится, что он Игорь Патрушев. Тот, кто сейчас переживает кошмар о невыплаченных долгах. Кошмар очень реалистичный, согласен. Кровь настоящая, синяки настоящие, жажда самая подлинная. Мозгу плевать, пьешь ты настоящую воду или воду

из сна — он даст команду почкам работать одинаково. Но сновидящий никогда не страдает по-настоящему. Страдает персонаж во сне.

Игорь стоял неподвижно, провожая ее взглядом. Логика была дьявольской в своей замкнутости. Если он спит, он может ущипнуть себя. Он ущипнул левое предплечье. Ногти впились в кожу. Выступила красная полоса. Больно. Чертовски больно. — Хреновый аргумент, — пробормотал он, догоняя ее. — Во сне тоже бывает больно.

— Конечно, — легко согласилась Ая. — Сон безупречно имитирует реальность. Иначе ты бы сразу просыпался. Весь трюк осознанности заключается в том, чтобы научиться действовать внутри сна, зная, что это сон. Использовать правила игры, но не становиться их рабом.

Она остановилась возле огромной коряги, выброшенной штормом. Дерево было похоже на скелет дракона: выбеленное солью, переплетение острых сучьев, напоминающих ребра и позвонки. Ая провела ладонью по шершавой древесине. — Слушай меня внимательно, Игорь. Это единственный урок, ради которого затеяно наше путешествие. Всё остальное — транспорт и питание.

Она посмотрела ему прямо в глаза. Темнота ее зрачков затягивала, обещая падение без дна. — Твоя жизнь не проходит слишком быстро. У нее вообще нет скорости. Она стоит. Застывшая скульптура. Вся целиком. Твой первый крик в роддоме и твой последний хрип на смертном одре касаются

друг друга плечами прямо сейчас. Твоя встреча с девушкой, которая вышла замуж за другого, происходит параллельно с тем, как ты чинишь кран на кухне в той съемной квартире. Расстояние между событиями существует только в твоём способе считывания информации.

Ты говоришь: «Я ничего не успел». Успел. Всё. Абсолютно всё, что мог успеть в рамках данного сценария. Ты прошёл именно ту дистанцию, которая была заложена кодом. Проблема не в дистанции. Проблема в том, что ты бежал по ней спиной вперед, глядя на секундомер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.